

—

21.

Разве люди так общаются?

Цзян Цянь со своими «натуральными» мозгами совершенно не мог этого понять. Он считал, что Си Фэн должен был хоть как-то сгладить углы, ну, хотя бы сказать: «Да нет, я пошутил», чтобы разрядить неловкую атмосферу. Это называется «ложь во спасение». Но Си Фэн был честен. Честен настолько, что Цзян Цянь был готов провалиться сквозь землю прямо здесь, в этой комнате. Перед ним стоял принесенный Си Фэном рис в деревянном ведре — горячий, ароматный, дымящийся, вызывающий обильное слюноотделение.

Цзян Цянь впервые почувствовал, что даже рис может быть таким агрессивным. Он боялся отправить в рот хоть ложку, опасаясь, что рис внезапно закричит у него во рту: «Я гей!»

Он сидел как на иголках, извиваясь на стуле и постоянно меняя позы. В его душе в это время дрались два человечка.

Черный говорил: «Он гей. Разве у тебя нет фобии перед геями? Он сам признался — вот и отлично, держись от него подальше!»

Белый возражал: «Но вы же уже стали друзьями! Ему тоже может быть больно, ты только что наговорил кучу обидных вещей!»

Цзян Цянь, как живой мертвец, зачерпнул огромную порцию риса и запихнул в рот. Рис не закричал «я гей», зато он услышал финальный вопль белого человечка: «Ты его обидел и как ни в чем не бывало жрешь еду, которую он тебе принес! Ты просто не человек!»

22.

Чжан Цзиньдун получил от Цзян Цяня целую лавину сообщений.

Цзян Цянь: «А-а-а-а-а-а-а!»

Цзян Цянь: «Самый мрачный момент в моей жизни наступил так внезапно!»

Цзян Цянь: «Мне никогда в жизни не было так неловко».

Чжан Цзиньдун: «Что стряслось?»

Цзян Цянь: «Есть один секрет, и я не знаю, стоит ли о нем говорить... Очень хочется выговориться, но это чужая личная тайна».

Чжан Цзиньдун: «Завязывай со своими загадками. Не строй из себя приличного человека, выкладывай быстро».

Цзян Цянь: «Ты знал, что Си Фэн — гей?»

Чжан Цзиньдун: «Знал, конечно».

Цзян Цянь: «?»

Эффект оказался совсем не таким, на какой рассчитывал Цзян Цянь. Разве Чжан Цзиньдун не должен был в ответ проорать «Ни фиги себе!» и добавить «Он реально гей?!»?

Сообщение Чжан Цзиньдуна было холодным, как сердце Цзян Цяня в этот миг: «Ты что, реально не знал? Все в курсе. Еще на первом курсе, когда только учеба началась, он попал на «Стену признаний». Его друзья прямо там, в комментариях, устроили ему каминг-аут: написали девчонкам, чтобы зря не признавались, потому что он гей».

Цзян Цяню захотелось немедленно умереть: «А почему ты мне не сказал?!»

Чжан Цзиньдун резонно ответил: «Так ты не спрашивал! К тому же, ты что, «Стену признаний» не читаешь?»

Цзян Цянь чуть не плакал: «Да на кой черт она мне сдалась!»

23.

Цзян Цянь теперь люто ненавидел свой длинный язык. Зачем он ляпнул: «В школе реально есть геи»? Зачем переспросил: «Ты ведь не гей, верно?»?

Он изливал душу Чжан Цзиньдуну: «Может, мне извиниться? Это прозвучало довольно обидно».

Чжан Цзиньдун: «Ты что, гомофоб?»

Цзян Цянь: «Да вроде нет. Просто старая психологическая травма... И я правда не думал, что в мире так много геев. Ляпнул не подумав».

Чжан Цзиньдун: «Похоже, мне тоже придется открыть тебе секрет».

Чжан Цзиньдун: «Вообще-то, я тоже».

Цзян Цянь: «Твою мать, серьезно?»

Чжан Цзиньдун: «Шучу».

Цзян Цянь: «...Чтоб ты сдох».

Доев рис, Цзян Цянь под предлогом уборки мусора постоянно косился через плечо на Си Фэна.

Тот не ложился в постель, а сидел на стуле и копался в телефоне. Похоже, с кем-то переписывался.

«Наверняка жалуется друзьям на соседа по комнате, у которого нет никаких границ!» — от этой мысли у Цзян Цяня будто мурашки по коже поползли. Он взял пакет с мусором и сделал круг по комнате, делая вид, что не может найти ведро. Линь Хун проводил его взглядом как слабоумного и поинтересовался: «Ты чего творишь?»

Цзян Цянь ответил: «Мусор выкидываю».

Линь Хун закатил глаза: «Ты что, в комнате заблудился?»

Цзян Цянь раздавленно бросил пакет в ведро.

Затем он схватил тазик и пошел на балкон стирать носки. Стирая, он продолжал подглядывать за Си Фэном, мучительно пытаясь придумать тему для разговора. Наконец, выдал, как бы невзначай:

— Ой, у меня мыло, кажется, закончилось. Си Фэн, одолжишь свое на минутку?

Хуан Вэйи, совершенно не чувствуя момента, вклинился:

— Мы же с тобой вчера только в складчину целую упаковку мыла купили?

Цзян Цянь чуть не скрежетал зубами:

— А... точно, забыл. Ха-ха.

24.

Цзян Цянь еще не достирал носки, как Си Фэн начал забираться в кровать.

Тут Цзян Цянь запаниковал. С носками в руках он подлетел к кровати Си Фэна.

Тот замер на лестнице и с крайним недоумением посмотрел на Цзян Цяня, который стоял перед ним с мокрыми носками и руками в мыльной пене.

— ? — немой вопрос Си Фэна.

Цзян Цянь моргнул:

— Ты уже спать ложишься?

Си Фэн переспросил:

— Когда ты стираешь носки, другим нельзя ложиться спать?

«Что за пассивная агрессия? Точно обиделся», — решил Цзян Цянь и поспешил признать вину:

— Я днем ляпнул не подумав, не злись на меня. Я же извинился уже.

Си Фэн поднялся на кровать:

— Я не злюсь.

Цзян Цянь хотел сказать что-то еще, но вовремя сообразил, что такие темы при всех обсуждать неудобно. А вдруг другие соседи еще не знают, что Си Фэн — гей? Нельзя же устраивать ему повторный каминг-аут против воли. В итоге он сухо замолчал и через паузу выдавил:

— Ну... а ты мне еще будешь еду приносить?

Си Фэн бросил на него взгляд, который Цзян Цянь не смог расшифровать, и ответил:

— Буду.

25.

«Ну кто так извиняется?!»

Цзян Цянь и сам не понимал, как его угораздило. Он всегда считал Хуан Вэйи человеком с низким эмоциональным интеллектом, но не был ли он сам «дном» этой комнаты в плане общения? Цзян Цянь не мог с этим смириться и яростно строчил Чжан Цзиньдуну:

«Всё, бро, мне хана!»

Чжан Цзиньдун: «Что опять?»

Цзян Цянь: «Мои извинения, кажется, возымели обратный эффект. Полагаю, он меня теперь люто ненавидит».

Чжан Цзиньдун: «Ну и отлично».

Цзян Цянь: «Чего отличного-то?»

Чжан Цзиньдун: «Того, что ситуация уже хуже некуда. Можно не ломать голову над тем, как всё исправить».

Цзян Цянь: «Если не умеешь поддерживать, лучше промолчи».

Чжан Цзиньдун: «А почему тебе вообще так важно, ненавидит он тебя или нет?»

Цзян Цянь: «А мне важно?»

Чжан Цзиньдун: «Разве нет?»

Цзян Цянь: «Да мне плевать».

Чжан Цзиньдун: «Ну тогда мне не плевать, ладно».

26.

После обеда у них были пары до самого вечера. Си Фэн всегда был тем «тяжелым артиллеристом», который занимал места на всю комнату. Естественно, себе он занимал в первых рядах, а остальной троице — на задних партах.

Цзян Цянь в обед так и не уснул. Он ворочался в кровати, как блин на сковородке, и к моменту, когда прозвенел будильник Си Фэна, он уже почти «подгорел». Цзян Цянь тут же высунул голову из-за занавески:

— Эй, Си Фэн, пойдём вместе?

Си Фэн ответил вопросительным взглядом: — ?

Цзян Цянь соврал не моргнув глазом:

— Хочу сегодня пересесть вперед. Окунуться, так сказать, в лучи сияния отличника.

Си Фэн ничего не сказал. Ни «да», ни «нет».

Они шли по кампусу плечом к плечу, и атмосфера была дичайше неловкой.

Чувствовал ли неловкость Си Фэн — Цзян Цянь не знал, но сам он чуть не помер. Пытаясь найти хоть какую-то тему для разговора, он спросил:

— Какая там сейчас пара?

Си Фэн ответил:

— Физкультура. Тебе направо.

Цзян Цянь:

27.

Пути Цзян Цяня и Си Фэна разошлись.

На физкультуре не вся группа занимается вместе — каждый выбирает дисциплину по душе. Си Фэн выбрал баскетбол, а Цзян Цянь — теннис. Хотя оба были на стадионе, площадки находились в разных концах.

Цзян Цянь уныло побрел направо, в душе ругая Си Фэна за его скверный характер. «Твою мать, он же прекрасно знал, что сейчас физра! Мог бы и в общаге сказать, а не смотреть, как я выставлю себя идиотом! Ну и тип, точно — среди геев нормальных нет».

В теннис Цзян Цянь играл неплохо — он считал, что это почти то же самое, что бадминтон. В университете на физкультуре всё равно учили только основам. Сегодня у преподавателя возникли какие-то личные дела, и их отпустили на полчаса раньше.

Дело шло к лету, солнце нещадно палило. По идее, надо было сразу купить мороженое и бежать в прохладную общагу, но Цзян Цяня почему-то занесло на баскетбольную площадку.

Си Фэн сильно выделялся в толпе. Когда Цзян Цянь нашел его взглядом, Си Фэн как раз задрал майку, чтобы вытереть пот. Фигура у него была отличная: пресс не то чтобы рельефный, но было видно, что мышцы есть. Мужской пресс — штука такая, его еще «напрячь» надо правильно. В интернете полно качков, но это всё результат позирования.

Цзян Цянь задрал свою футболку, думая, что он тоже так сможет — он ведь не хилак какой-то, каждый день в бадминтон рубится.

В итоге он стоял на краю площадки, задрал майку и выгибаясь во все стороны, но пресса так и не увидел. «Странно как-то», — подумал он.

28.

Пока Цзян Цянь сражался со своим так и не появившимся прессом, на него внезапно упала тень.

И раздался знакомый голос:

— Ты чего творишь?

Цзян Цянь застыл и пулей одернул футболку вниз:

— Просто мимо проходил.

Взгляд Си Фэна упал на... живот Цзян Цяня:

— Проходил мимо и решил устроить стриптиз?

Цзян Цянь помрачнел:

— Хватит уже язвить. Я всё обеденное время перед тобой извинялся.

Си Фэн усмехнулся:

— Да где же я язвил?

Цзян Цянь с облегчением выдохнул:

— Раз смеешься, значит, точно не злишься.

Они вместе пошли в сторону общежития, и атмосфера стала заметно легче. Си Фэн сказал:

— Да нет, с чего бы мне злиться?

Цзян Цянь поспешил закрепить успех:

— Я днем ляпнул не подумав. Я вообще не против геев, честно. Не переживай.

Си Фэн кивнул:

— Ладно.

Цзян Цянь добавил:

— Значит, мы по-прежнему лучшие бро?

Си Фэн промолчал.

Цзян Цянь повернулся к нему:

— Ты что, никогда меня за друга не считал?!

Си Фэн продолжал молчать.

Цзян Цянь мысленно разрыдался: «Точно говорю, среди геев нормальных нет!»

—

<http://bllate.org/book/17244/1613186>